

суперчестную игру, хотя мало кто в это верил.

...Сейчас начал снимать кино, потому что у меня больше времени, чем во времена, когда приходилось на плечах держать гигантский Дом кино, сохраняя девственную храмовую сущность бесплатно-го центра.

— Знаю, что есть решение суда о восстановлении. Отчего же Гусман — не директор Дома кино?

— Это отдельная история. Меня уже четыре раза оттуда увольняли. Первый раз в суде все решилось быстро: на свет всплыли подложные доверенности для голосования секретариата о моем увольнении.

У нас система захвата и уничтожения позиций любого человека отработана до блеска. Пока суд да дело, они приняли решение о расформировании Дома кино как структуры, предварительно отказав в аренде. Bravo! Идите, руководите вашей конторой, где хотите. Хотя в ЖЭКе. По общей схеме захвата шахты или «ЮКОСа» расформировывается Центральный дом кинематографистов и создается Дом кино при СК. Выгнав дирекцию, собирают двух акционеров, принимающих решение: на месте «Новой газеты» делать «Новейшую» или «Обновленную». Нас ликвидируют? В таком случае по закону создается ликвидационная комиссия из учредителей и представителей организации. Нас исключили даже из процесса «исключения». Сейчас я уволен уже в пятый раз.

— Настоящий рекорд.

— Особенно весело, когда у тебя юбилей между двумя судами. Система с решающим словом райкома закончилась, а правовая так и не началась. Когда пройдут суды и кассации, я приду на пепелище, где будет стоять гигантский кран, строящий на месте нынешнего союза многоэтажное здание с буквами «АОО». Все как по нотам. А ведь Дому кинематографистов — 67 лет...

— Среди претензий к Гусману прежде всего называется его неумение обеспечить коммерческую составляющую Дома кино.

— Я предлагал: с мая по ноябрь дом закрыт. Давайте создадим реальную программу действия. Но причина всему не Дом кино, а ненависть Михалкова к Гусману.

— Случилось так, что Дом кино стал моделью общества, первым рубежом всех перемен и социальных катаклизмов.

— Напиши это — и повесть в рамочку. Так и есть, вплоть до сегодняшнего дня. Боюсь, что с нас все не только начинается, но на нас и заканчивается. Полагаю, и демократия... Они наняли аудитора из Волгоградской области, хутор Яминский. Это не юмор, а юридический адрес. Но и эта женщина из хутора Яминского, нанятая моими ликвидаторами, изучив все документы, сказала: «Они не имеют права так поступать. Я им напишу». Наивная. Права нет. С ним покончено.

— Но ведь была поддержка ряда ведущих кинематографистов, печати...

— Мы проанализировали 117 материалов. Практически все, что сказано о конфликте. Нет издания, которое бы нас не поддержало. Ну и что? Власть поняла, что может не только не бояться, но и не стесняться. Да, нас поддержали, но в основном члены союза боялись. Ведь правление проголосовало, чтобы Дом кино закрыть, «...потому что молчание — золото». Они зависимы от союза. Кто некро-

лог хочет получше. Кто — пенсию. Кто — справку. Путевку. Без союза ни звания, ни достойного места на кладбище. Думаю, что все это плохо. Нельзя действовать так разрушительно по отношению к людям. Правы они или нет. Если я так тяжело все это перенес — и физически, и химически, — что же могут сделать с человеком в каком-нибудь маленьком провинциальном городке, если его не полубит начальник? И нет у него ни прессы, ни телевидения.

Двадцать лет спустя Гусман вернулся в кино, запустился с картиной...

— Кино будет называться «Парк советского периода». Есть уже седьмой вариант сценария. Зимой, надеюсь, будем снимать. Кстати, и театральную работу начинаю. Возрождаем один из старых моих спектаклей «Человек из Ламанчи» — грандиозный американский мюзикл 61-го года.

— У мюзиклов в Москве большие проблемы.

— Сегодня мюзиклы считаются изобретением позапрошлого года. Забыты работы Захарова, Розовского, Ряшенцева. Мне нравится этот заграничный размах, блеск технических наворотов. Но главное, как нас учили, понять: про что ставишь спектакль. Я лежал на операционном столе и, стараясь отвлечься, напевал арию Дон Кихота. Звучит пошловато. Но я всегда ставлю про себя. И «Трех мушкетеров» в 75-м... Самое смешное, что и на фильм заявку сделал я, а не Юнгвальд-Хилькевич. Но... туфелькой по морде. Постановка мюзикла осуществляется в Театре Российской армии с Зельдиным в главной роли, которому идет 89-й год. При этом он замечательно поет арии, молод душой, рвется в бой. Он — Дон Кихот. Настоящий. Какими были мои мама и папа, мои друзья Дунский и Фрид. Какими сегодня я вижу Максуда Ибрагимбекова, Сергея Юрского и Юру Росту. Подбавлю еще пафоса. Накипело. Кругом прагматики — бабки — бизнес. Герои — киллеры. Хочу сочинить спектакль-послание: добра, справедливости.

— Так что «Пора-пора-порадуемся на своем веку...». Есть время и возможность снимать, ставить спектакли...

— Да-да... Хочется в этот праздничный день на оптимистичной ноте закончить интервью и поздравить юбиляра... Скажу тебе вот что. Любые крушения, падения, несчастья случаются. Как психолог и психиатр знаю, что пережить несправедливость — довольно тяжелое испытание. Не просто приговор, но несправедливый. Больно. Хочу пожелать любому в день его рождения избежать несправедливости. Отмененный институт дуэли снял возможность постоять за свою честь. Все эти суды — маска. Под ней общество и его граждан приучают, вопреки судам и публикациям, подчиняться насилью. Не высовываться. Не поднимать голос протеста. Но ведь сегодня в отличие от 37-го не убивают. Как писал Шварц в «Драcone»: «Зачем ты был первым учеником?». Количество первых учеников вселяет в сердце тоску... Даже в дни юбилея.

● Лариса МАЛЮКОВА

187

280